

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-44-64

Максим Михайлович ШЕВЧЕНКО

Исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, 27-4, Москва, 119991, Российская Федерация
shevch_mm@mail.ru

Русский политический консерватизм XIX – начала XX вв. в действии

АННОТАЦИЯ. *Русский консерватизм как течение общественной мысли, последовательно обращаемое в политическое действие формируется на рубеже XVIII–XIX вв. Целью его постоянных стремлений и усилий становится творческая защита, то есть адаптация, модернизация, развитие исторического российского самодержавия как ответ на либерально-эгалитарные вызовы времени. Н.М.Карамзин, пошедший путем накопления, осмысления и обобщения эмпирики отечественного исторического опыта, разработал систему апологии самодержавной монархии, которая в сочетании с атмосферой патриотического подъема 1812 года привела к снятию инициированной Александром I либеральной политической повестки дня. Эпоха Николая I явила собой наиболее длительный опыт стабильной и поступательной консервативной внутренней и внешней политики, окончившейся со смертью ее символа и реализатора из-за накопленных противоречий, ошибок и упущений, уничтоживших ее престиж в русском общественном мнении. Политика освободительных реформ Александра II в краткосрочной перспективе самодержавие укрепляла, но в долгосрочной – порождала общественно-политический динамизм, несший в себе постоянную угрозу его паде-*

ния с катастрофическими последствиями для России в целом. Консервативный поворот Александра III был несовершенной попыткой, не теряя перспективы экономического прогресса и упрочения российского великодержавия в быстро меняющемся мире модерна, выйти на путь длительной общественно-политической стабилизации. После поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг., ставшей результатом как тяжелой стратегической ошибки Николая II, так и неисправленных системных ошибок его предшественников, дискредитация самодержавия приняла обвальную характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: консерватизм, Россия, самодержавие, монархия, либерализм, национализм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шевченко М.М. (2017). Русский политический консерватизм XIX – начала XX века в действии. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 44-64. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-44-64

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-44-64

Maksim M. SHEVCHENKO

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
27-4, pr. Lomonosovskiy, Moscow, Russian Federation, 119192
shevch_mm@mail.ru

The Practice of Russian Conservatism of the Nineteenth and early Twentieth Centuries

ABSTRACT. *Russian conservatism as a current social thought, consistently turned into political action is formed at the turn of the XVIII-XIX centuries. The goal of its constant aspirations and efforts was creative protection that meant adaptation, modernization, development of the historical Russian autocracy as a response to the liberal-egalitarian challenges of the time. N.M. Karamzin, who went through the accumulation, comprehension and generalization of the empirics of domestic historical experience, developed a system of apology for an autocratic monarchy, which, combined with the atmosphere of the patriotic upsurge of 1812, led to the abolition of the liberal political agenda initiated by Alexander I. The era of Nicholas I was the longest experience of a stable and progressive conservative domestic and foreign policy that ended with the death of her symbol and realizer because of the accumulated contradictions, mistakes and omissions that destroyed her prestige in Russian public opinion. The policy of the liberation reforms of Alexander II in the short term strengthened the autocracy, but in the long term generated social and political dynamism that bore the constant threat of its fall with catastrophic consequences for Russia as a whole. The conservative turn of Alexander III was an imperfect attempt, without losing the prospect of economic progress and the consolidation of the Russian great power in the rapidly changing world of mo-*

dernity, to take the path of long-term socio-political stabilization. After the defeat in the Russo-Japanese War of 1904-1905, which resulted from both the grave strategic mistake of Nicholas II and the uncorrected systemic errors of his predecessors, the discrediting of the autocracy took an avalanche character.

KEYWORDS: *conservatism, Russia, autocracy, monarchy, liberalism, nationalism*

FOR CITATION: Shevchenko M.M. (2017). The Practice of Russian Conservatism of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 44-64. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-44-64

Современная наука относит возникновение консерватизма в России как общественно-политического течения к концу XVIII века, понимая его как ответ на вызовы рационализма и индивидуализма Нового времени, а также практику Французской революции конца того же столетия. Для консерватизма были характерны признание приоритета монархической формы правления, принципа естественного неравенства людей и необходимости общественной иерархии. Ценностным стержнем консерватизма являлась религия, которая согласно воззрениям

консерваторов, придавала смысл истории и отдельной человеческой личности. Консерватизму были свойственны почитание церкви, культ армии, школы и семьи, то есть общественных институтов, выступавших проводниками и хранителями традиции (Минаков, Репников, 2010, с. 6). Поиск причин, повлекших неустойчивость последних в России, ведет нас к началу XVIII века.

Переворот Петра Великого в области культуры, помимо прочего, означал переход в режим открытости всем сильнейшим влияниям в пределах тогдашнего христианского мира с испытанием на предмет возможной адаптации в русских условиях инноваций европейской цивилизации. Переход сперва императорского двора, потом, постепенно, правящего привилегированного класса, а в исторической перспективе и самых широких образованных слоев вплоть до народных низов.

Полагал ли Петр I действительно, что так нужно лишь на «несколько десятков лет», а потом к Европе следует «повернуться задом» (Ключевский, 1989, с. 196) или нет, но сам подобный разворот его наследникам в широком смысле слова быстро перестал казаться в принципе возможным. Изучавший это спустя почти два столетия великий историк писал: «Чем больше проникалось наше общество западным влиянием, тем чаще проявлялись среди него люди, которые теряли чувство родного, относились к нему или с презрительным равнодушием, или даже с безразличным отвращением. Напротив, в ком сильнее билось сердце за отечество, тот тем недоверчивее, раздражительнее или высокомернее относился к Западной Европе. Каким-то непостижимым и неожиданным образом западное влияние из культурного средства превратилось у нас патологический симптом, в источник болезненных возбуждений... Что такое был русский запад-

ник?... Ухитрившись поспорить между собою столь сродные понятия, как родина и национальность, он незаметно для себя... разделил мир на две половины: на человечество и на Россию. Отечество – это неприятное привидение, от которого стараются отчураться средствами цивилизации... Западная культура для нас вовсе не предмет выбора: она навязывается нам с силой физической необходимости. Это не свет от которого можно укрыться, – это воздух, которым мы дышим, сами того не замечая. Но и в воздухе не все здорово, и им надо уметь дышать...» (Ключевский, 1983, с. 19).

В XIX – начале XX вв. русский политический консерватизм в действии предполагал прежде всего защиту и укрепление исторического российского самодержавия, его возможную модернизацию или адаптацию как ответ на вызовы времени.

Первая половина царствования императора Александра I (1777–1825) – «дней Александровых прекрасное начало» – была не просто апогеем эпохи европейского Просвещения в России, но «вряд ли не самая высшая точка русского западничества. Екатерининская эпоха, – писал Г.В. Флоровский, – кажется совсем примитивной по сравнению с этим торжествующим ликом Александровского времени, когда и самая душа точно отходит в принадлежность Европе... А в следующих поколениях уже крепнет «славянофильская» оппозиция, не столько национально-психологическая, но и культурно-творческая... Западничество Александровского времени не было денационализацией в прямом смысле. Напротив, то был скорее период националистического подъема...» (Флоровский, 1983, с. 128-129).

Образованные умы были наполнены идеями естественного права, общественного договора, народного суве-

ренитета, «представительного правления», «истинной монархии». Их лидером был сам русский самодержец, который, вследствие политических маневров императрицы Екатерины II, оказался воспитан Ф.С. Лагарпом в духе платонического республиканизма. Он поначалу был полон желания быстро подготовить и свершить грандиозный гуманно-освободительный акт, который должен был моментально целиком пересоздать весь политический и социальный строй России. В масштаб своих замыслов он посвящал, кроме Лагарпа, узкий круг своих единомышленников – «молодых друзей», монопольное политическое влияние которых осторожно пытались как-то нейтрализовать екатерининские «старые служивцы», быстро усвоившие либеральную повестку дня. Молодых энтузиастов либерально-эгалитарных доктрин не очень волновало то, что последний общероссийский свод законов – Соборное Уложение царя Алексея Михайловича – был принят полтора столетия назад, система регулярной кодификации законов фактически отсутствовала и только начала постепенно формироваться, обычное право и общественные нравы российских сословий, классов, образ жизни различных местностей, народов необъятного государства с почти тысячелетней историей были знакомы петербургскому двору, мягко говоря, более, чем поверхностно. Ни Александра I, ни статс-секретаря М.М. Сперанского, писавшего по его поручению проект конституции, ни Н.Н. Новосильцева, впоследствии, уже после наполеоновских войн готовившего другой такой проект – «Уставную Грамоту», – ни членов и лидеров тайных декабристских обществ – Н.М. Муравьева с его «Конституцией» и П.И. Пестеля с «Русской Правдой» не коробило то обстоятельство, что, как сказал вполне справедливо в 1826 году А.С. Пушкин в записке императору Ни-

колаю I (1796–1855), «Россия еще слишком мало известна Русским».

Тем, пожалуй, единственным в России, кто в полной мере и со всей ответственностью оценил фундаментальный характер последнего обстоятельства в тогдашних политических условиях, был Н.М. Карамзин. Это был один из признанных и бесспорных лидеров русской культуры эпохи Просвещения, и император не мог от него просто отмахнуться. Переживший в молодости увлечение идеями Вольтера, Руссо и других властителей дум европейского человечества и потрясенный в лучших своих чувствах тем, как их воплощали французские революционеры 1789–1794 гг. и Наполеон Бонапарт, он пришел к твердому убеждению, что обещанная просветителями гармония есть утопия, не стоившая такого количества пролитой крови: «Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание. Для существа нравственного нет блага без свободы, но эту свободу дает не Государь и не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божией. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностью к Провидению!» (Карамзин, 1862, с. 195). Чтобы найти верную, неразрушительную перспективу возможных политических и социальных усовершенствований, не угрожающих катастрофой, Карамзин, отключив скомпрометировавшие себя универсалистские политические концепции, обратился к эмпирике русского исторического опыта, к первоисточникам русской истории. Его беспрецедентная по обширности, фундаментальности и глубине содержания «История Государства Российского» должна была продемонстрировать русскому обществу, по выражению современника, «чем мы были,

как переходили до настоящего status quo и чем мы можем быть, не прибегая к насильственным преобразованиям...» (Лотман, 1987, с. 291). На полпути своего исторического труда он предъявил Александру I при посредничестве его сестры великой княгини Екатерины Павловны политическое заключение об аксиомах безопасного, стабильно-поступательного развития страны в «Записке о древней и новой России» в 1811 году. Основываясь на них, он подверг последовательной критике десять лет правления императора.

Древняя Россия «основалась победами и единоначалием, гибла от разноразличия, а спасалась мудрым самодержавием». Замена последнего на удельную раздробленность стоила стране двух с половиной векового порабощения. Попытка после тирании Ивана Грозного ограничить царское самовластие вызвала к жизни процессы, повлекшие крушение всего государственного порядка, хаос и смуту гражданской войны и иностранной интервенции, преодоление которых и спасение состоялось только при восстановлении самодержавия. Великий Петр, основавший Россию новую, поставил ее на небывалую высоту мощи, славы и влияния. Но «совершенное присвоение обычаев европейских» имело и необратимый отрицательный результат: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр». В новой России после почти столетия отсутствия патриаршества, униженного перед монархами положения власти церковной, лишенной теперь прежнего авторитета у высшего сословия, дворянство, будучи европеизированным, культурно-психологически удалено от народа. Поэтому, при всей своей обширности, мощи и видимом процветании новая Россия внутренне гораздо слабее России древней. А, следовательно, – ей теперь более

прежнего жизненно необходимо именно неограниченное самодержавие (Карамзин, 1991, с. 22, 31, 35, 36, 38, 48). Александр I, заигрывая с конституцией, балансирует над пропастью новой Смуты, во внешних условиях гораздо более опасных. Ему следует перестать увлекаться копированием западноевропейских социально-политических учреждений, а заняться улучшением личного состава предрежащих властей всех уровней, дать стране «честных губернаторов» и достойных духовных пастырей, то есть епископов, использовать еще хранимую дворянством идею наследственного благородства как данного свыше призвания служить государству.

Вопреки распространенному мнению, Карамзин не отрицал в принципе необходимость институциональных преобразований. Первым шагом именно в их направлении должно было быть исследование и реконструкция истории русского законодательства со времен Соборного Уложения 1649 года, а затем создание нового общероссийского свода законов. «Водораздел» между Карамзиным и законотворческой мыслью русского Просвещения александровского времени пролегал в области допустимости или недопустимости механического приложения к России модных западных концепций, притязающих на универсальность. Сперанский из пермской ссылки в январе 1813 года, отвечая на обвинения в том, что он якобы переносил в составлявшееся русское гражданское Уложение статьи или нормы Кодекса Наполеона, писал императору: «В источнике своем, то есть в римском праве, все уложения всегда будут сходны, но со здравым смыслом, со знанием сих источников, и коренного их языка можно почерпать прямо из них, не подражая никому и не учась ни в немецких, ни во французских университетах» (Сперан-

ский, 1892, с. 56). Антитезой этому звучат слова Карамзина из «Записки...»: «Русское право также имеет свои начала, как и римское, – определите их, и вы дадите нам систему законов» (Карамзин, 1991, с. 94).

Заявленная Александром I либеральная политическая повестка дня продержалась до наполеоновского вторжения в Россию. Патриотический подъем 1812 года пробудил не только декабристскую оппозиционность слева. По справедливому заключению А.Ю. Минакова, подъем русского консерватизма в не меньшей, как минимум, степени связан с Отечественной 1812 года. Его идеи отражались в написанных А.С. Шишковым высочайших манифестах. «Русский вестник» С.Н. Глинки достаточно массово по тем временам тиражировал в публику идеи того же А.С. Шишкова, Ф.В. Ростопчина, как косвенно через издателя, так и непосредственно через них, как авторов. Император сблизился с так называемой «русской партией» в придворно-правительственных кругах. Вместо отправленного в ссылку Сперанского ключевые позиции при нем заняли А.С. Шишков, главный идеолог и пропагандист Отечественной войны, написавший большую часть высочайших манифестов и указов, обращенных к народу и армии, а также А.А. Аракчеев, фактически единственный секретарь императора во время войны (Минаков, 2011, с. 452).

После окончательного низвержения Наполеона Александр I политически сдвинулся вправо. Сдвинулся вместе с тогдашней Европой, уставшей от четвертьвековых войн. В нем пробудилось религиозное чувство, он обратился в христианство в духе модного тогда в Европе масонского гностицизма. Воз-

вращенному в Петербург Сперанскому, он летом 1821 года обмолвился, что следует «не торопиться преобразованиями; но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются» (Миرونенко, 1989, с. 217). Вследствие постоянно переживавшегося им конфликта между просветительским идеалом и русской действительностью, он полагал, по мнению современного британского историка, «что Россия его недостойна» (Ливен, 2012, с. 99). Патриотический подъем в русском обществе вызывал у него смешанные чувства. Он находил время посещать места сражений отгремевших войн в Европе, но никогда ни разу не посетил ни одного памятного места Отечественной войны 1812 года. Не принимал участия в поминовении погибших на той войне, почти демонстративно не пожелал вместе со всем московским дворянством почтить память павших в Бородинском сражении, питал откровенную неприязнь к памяти «спасителя Отчества» М.И. Кутузова. Своим конституционным планам он после войны пытался искать опору в бывших союзниках Наполеона поляках, безуспешно предлагая им показать пример непротиворечивости свободолюбия и лояльности «недопросвещенным» русским. С.С. Уваров, патриотически восхищавшийся своим императором, как мифическим Агамемноном среди царей (Уваров, 2010, с. 234), сокрушившим тирана Европы и дарящим ей неопределимые блага «вечного» мира (в духе И. Канта), влекущие обожанную меру гражданской и политической свободы, с горечью констатировал, что обожаемый им Александр был лишен «русской душевной струны» (*fibre russe*)¹.

Глава ведомства духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голи-

1 Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. (Далее – ОПИ ГИМ.) Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 192.

цын, возглавлял и Библейское общество, которое, в частности, покровительствовало сектам и распространяло западную мистическую литературу. В конце концов под давлением так называемой «православной оппозиции» император в 1824 году отстранил лидера «мистической партии» от дел религии и просвещения, расформировал «сугубое» министерство, а главой ведомства народного просвещения и иностранных вероисповеданий сделал представителя «русской партии» А.С. Шишкова². Усердие «православной оппозиции» в борьбе с крамоллой западного мистицизма привело, помимо иного, и к негативным результатам. На три года оказался запрещен к распространению православный катехизис архиепископа Филарета (Дроздова). А продвигаемое им дело перевода Священного Писания на литературный русский язык остановилось на целых тридцать лет.

Политика императора Александра I зашла в тупик. В учрежденном им Царстве Польском все более усиливалось антирусское брожение. Созданный им Священный союз европейских монархов был разрушен Восточным кризисом, порожденным греческим восстанием и его последствиями. В самой России усиливалась тайная политическая оппозиция, которую он не решался репрессировать, так как считал самого себя виновником ее появления. И только уже перед самой кончиной, получив точные сведения, что планируется покушение на его убийство, отдал приказ об аресте лидера Южного общества декабристов полковника Пестеля. В «воспоминаниях» бывшего адъютанта трех императоров генерала графа А.Х. Бенкендорфа, внимательно прочитанных императором Николаем I, осталась прозаическая эпитафия Алексан-

дру I: «Выросший под влиянием развращенных нравов азиатской роскоши и победного престижа эпохи Екатерины, воспитанный якобинцем Лагарпом, он был смущен строгостью отца еще наследника престола... у него всегда хватало сил оставаться человеческим и благожелательным... Он искал славы и оваций либеральной Европы. Он даровал конституции Польше и завоёванной Финляндии, раздражая свой собственный народ и сея зерна оппозиции и недовольства у своих подданных. Затем он вернулся к принципам деспотизма, гипертрофированной религиозности, сектантским взглядам, к мистицизму. Недовольный настоящим, неуверенный в будущем, строгий к самому себе, он стал несчастлив, потерял вкус к жизни и к своему могуществу. Он умер в скорби о потерянных иллюзиях и в предвидении будущих событий» (Бенкендорф, 2012, с. 342).

Эпоха романтизма принесла открытие органической цельности и самобытной глубины национального в культуре. Искушенные соблазнами Просвещения С.С. Уваров, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, консервативные «арзамасцы», «литературная аристократия», профессора, журналисты, образованная публика, глядя на революционные брожения в Европе 1820 годов, теперь стояли ближе к взглядам Н.М. Карамзина. Им хотелось больше творческой самостоятельности русского общества перед лицом Запада. Уже и иностранные наблюдатели отмечали отрицательные последствия «вестернизации». Путешествовавший, впоследствии, по стране А. фон Гакстгаузен, писал, что в России после Отечественной войны «все больше и больше стал распространяться тот внешний лоск, то полуобразование, которое слишком

2 См. подробнее: (Кондаков, 1998).

ничтожно, чтобы двигать вперед цивилизацию, однако совершенно достаточно, чтобы исказить все честное и национальное в человеке и породить недовольство народной жизнью и ненависть к ней» (Гакстгаузен, 1870, с. 72). 14 декабря 1825 года на Сенатской площади залпы картечи правительственной артиллерии по рядам восставших, по остроумному выражению историка, «прозвучали отходной по веку просвещения» (Левандовский, 1990, с. 5). Но современники отнюдь не считали это гарантией от рецидивов правительственного либерализма. Новый император был полон искреннего благоговения по отношению к памяти венценосного брата и проявлял бережность и осторожность к его политическому наследию. Люди из либеральной «камарильи», по выражению президента Академии наук С.С. Уварова, до самой кончины сохраняли при дворе Николая I и в правительстве положение весьма почетное. «Будем надеяться, что высокая мудрость Монарха просвещенного, справедливого и патриотичного облегчит его стране путь развития в форме, наиболее соответствующей ее природе, – писал Сергей Семенович своему тогдашнему единомышленнику начальнику тайной полиции и шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, – Будем надеяться, что люди, призванные ему помочь, поймут, наконец, положение государства, которое своей политической формой, своей организацией, своим положением опровергает все теории, и для которого неприменимо почти ничего из того, что делается или задумывается в Европе»³. И Николай в целом не обманул его надежд. Уваров в особой записке, переданной через Бенкендорфа, подвергнув критике механисти-

ческое понимание государства и политики в минувшее царствование, предложил новому императору взглянуть на отечественное просвещение как на путь стратегической подготовки в России отмены крепостного права⁴. Последнее должно было произойти не с помощью поверхностной и конъюнктурной индоктринации дворянства, но благодаря его постепенному и глубокому перевоспитанию, которое делает их «Русскими по духу» и вместе «Европейцами по образованию». Через год-полтора Уваров возглавил Министерство народного просвещения.

«Полный гордого доверия покой», – эта брошенная вскользь хрестоматийная фраза великого М.Ю. Лермонтова, на мой взгляд, передает наиболее типичное для эпохи Николая I чувство, владевшее современниками. Те из них, кому довелось переживать смятение, тревоги и, нередко, разочарования эпохи Освободительных реформ Александра II вспоминали ее с весомой долей ностальгии: «В начале 1840-х годов в Петербурге «о политике никто почти не говорил, кое-где в канцеляриях валялись на столах иностранные журналы с большими вырезками, или черными пятнами цензуры, почти бесполезными, потому что журналы читались большей частью не Русскими, а иностранцами... Гоголь написал уже «Ревизора», которым восхищался Николай Павлович; но «Мертвые души» еще не появились; Белинский начал писать критику в «Отечественных записках», разбирал Пушкина и возглашал, что в деятельности великого поэта многое объясняется тем, что он был консерватор; это замечание Белинского казалось всем чрезвычайно верным, остроумным и глубоким... Финансы на-

3 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Ед. хр. 45. Л. 25.

4 См.: (Шевченко, 2006, с. 157-192).

ши, устроенные мудростью Канкрин, были в отличном состоянии в сравнении с теперешними. Все шло спокойно и нормально. Общество было в органическом периоде существования, и никаких критических явлений и переворотов нельзя было ожидать. Владыка Севера держал крепко вожжи государственные; в Европе политика его торжествовала; в делах Восточного вопроса Франция Луи Филиппа, которую Николай Павлович терпеть не мог, была обидно исключена из общего аккорда; в Германии и Италии господствовал абсолютизм; внутри России, в столицах и провинциях ропота не было, да и не могло быть; при дворе веселились... Весь порядок казался надолго утвержденным, никакие диссонансы не нарушали общей гармонии; никаких общественных вопросов и не думали поднимать, даже эти выражения еще не входили в Русский словарь»⁵.

Во второй четверти XIX столетия, уходящая корнями в древность сословная дисциплина, питаемая духом христианской аскезы, еще не было расшатана. Неустанно «подтягиваемый» сверху военно-бюрократический аппарат Империи с его чрезвычайно медленным чинопроизводством, растущей регламентацией и централизацией еще не исчерпал основного запаса своих нравственных сил – традиционной дворянской этики служения Государству. Дух монархического благоговения и верности еще господствовал. Все тридцать лет николаевского царствования Россией, без преувеличения, управляли люди из героического поколения ветеранов 1812 года, чей орел в глазах ближайших потомков долго не мерк. Обновлявшееся русское образованное общество в целом сохраня-

ло веру в свои творческие силы и, отмечая превосходство Запада над Россией в области материальной цивилизации и светской культуры, еще не заболело комплексом неполноценности. «... утешимся: у нас есть благо, залог всех других: у нас есть Надежда и Мысль о великом назначении нашего отечества!... Судьба каждого из государств европейских зависит от совокупности всех других – судьба России зависит от одной России, – писал видный современник» (Киреевский, 1984, с. 60-61). Глубокий, уходящий корнями в века, традиционализм народа не давал монарху и его политическому окружению причин усомниться в своей прочности даже в грозные для Европы революционные 1830, 1848-1849 годы. Император Николай I всю жизнь до конца дней свободно ездил по России, гулял по своей столице в одиночестве или почти без сопровождения. Отправляя в 1837 году наследника цесаревича в специальное ознакомительное путешествие по России, он писал: «Нет сомнения, что тебя везде с искренней радостью принимать будут; ты внутри России увидишь и научишься ценить наш почтенный, добрый русский народ и русскую привязанность...» (Венчание с Россией..., 1999, с. 25-26). И, наконец, сам волевой и энергичный император Николай I, весьма далекий от гуманитарно-философских увлечений военный инженер по образованию, раз и навсегда мотивированный Н.М. Карамзиным, иногда шутя называвший себя в узком кругу самых близких людей «республиканцем», до последнего вздоха сохранял непоколебимую веру в правоту своего самодержавия, в свою богопоставленность и сопряженную с ней ответственность.

5 Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 325. Картон.1. л. 142, 143л143 об.

Все это вместе взятое составляло могучие политические ресурсы, огромные запасы социально-политической стабильности, внутренней прочности национально-государственного организма в распоряжении русского самодержавного правительства.

Сохранение завоеванного в наполеоновских войнах первенствующего положения России среди Великих держав Николай I видел в отвращении угроз Венской системе международных отношений, главные из которых исходили от французского и германского национализма. Выиграв в первые годы правления три тяжелых войны, он осуществил в 1830-е годы масштабные военные реформы и к началу 1850-х годов нарастил военную мощь России в 2-2,5 раза по сравнению с 1815 годом, построил третий по мощи в тогдашнем мире военно-морской флот. После этого в Европе ни одна держава не могла один на один бросить вызов империи русского самодержца. Он неторопливо и со спокойной твердостью вел к победоносному завершению Кавказскую войну. С помощью Е.Ф. Канкрин решил проблему неустойчивости финансов путем введения системы серебряного монометаллизма. На основе твердого протекционизма медленно, но поступательно развивал экономику страны за счет преимущественно экстенсивных факторов. По мере необходимости наращивал структуры государственного аппарата. Постепенно повышал уровень общей культуры и профессионализма чиновничества и офицерства. Осуществил воссоединение белорусских унитаров с Православной церковью. Нащупывал возможные подходы к безопасному упразднению крепостного права.

Как будто бы ничто в России не мешало высшей власти, начав переходить где-то на рубеже 1830–1840-х годов некоторые естественные пределы эффективного применения такой политики, все неизменно длить и длить эту необычайно устойчивую политическую систему, называвшуюся, иногда и в настоящее время, на мой взгляд, неправильно, «застоем».

И в той, казалось бы, такой статичной системе неизбежно сохранялся динамический или конфликтогенный элемент. Осуществляемое высшей властью, медленно, но систематически, поступательное развитие в России, при все том же неизбежном мощном влиянии интеллектуальной жизни Запада, светского образования и культуры имело стойкую тенденцию к превращению образовательного ценза в фактор, начинавший воздействовать в целом на формирование правящего отбора Империи, что особенно было заметно в области цензуры и печати⁶. Салонно-кружковые споры славянофилов и западников о соотношении религии и науки, о прогрессе и традиции, об исторических путях России и Запада едва заметно, но точно возвестили о появлении в России интеллигенции. Патриархальная нерасчлененность внутреннего мира уступала место «философскому пробуждению», острой и всесторонней рефлексии, рождению личности с обязательностью всеобъемлющего мировоззренческого самоопределения...

Политические тенденции, заложенные еще в эпоху Александра I, в результате шестнадцати с лишним лет деятельности С.С. Уварова во главе ведомства народного просвещения, наконец, стали приносить плоды в виде

6 См. подробнее: (Шевченко, 2003).

достаточного многочисленного кадра подданных нового склада – выпускников гимназий, пансионов, лицеев, университетов. Их присутствие дало себя почувствовать и на государственной службе. Эти люди имели более высокую потребность в печатном слове, в самовыражении, нуждались в существенном расширении публичной сферы, общественной перспективе. Но к этому совершенно не мог быть и не был готов император Николай I. Он не оценил по достоинству усилия Уварова, направленные на то, чтобы эту новую генерацию не отталкивать, чтобы помешать нарастанию у нее политически опасного для самодержавной России чувства невостребованности. За отставкой Уварова последовало хаотическое ужесточение цензуры, вызванное деятельностью специальных негласных комитетов. С 1848–1849 гг. учено-литературная общественность фактически полностью потеряла печать как средство самовыражения. Настало «мрачное семилетие» или «эпоха цензурного террора», с трудом как-то еще выносимое образованной общественностью, пока не грянула Крымская война.

России пришлось ее вести в ситуации военно-политического противостояния со всей Европой. По сути, по всему значимому периметру российских границ, от Финляндии и Балтийского моря до пределов Ирана, была военная угроза. Крымская (Восточная) война была единственной в Новой и Новейшей истории, которую Россия вела без единого союзника в Европе. Такой войны, с коалицией и в состоянии политической изоляции со стороны всех остальных Великих держав, ни одна империя в мире никогда не выигры-

вала. Просчеты Николая I и его первого военного и политического советника фельдмаршала князя И.Ф. Паскевича очевидны, как и системные ошибки первого во внутренней политике, приведшие к отсутствию в России военно-политических структур или инстанций, достаточно самостоятельных, чтобы страховать перегруженного монарха от опасных внешнеполитических провалов⁷. По заключению А.А. Кривопалова, русская стратегия свела ущерб в изначально безнадежной войне к минимуму благодаря четкому разделению потенциальных театров военных действий на главные и второстепенные. Кампанию на периферийном Крымском театре русские сделали максимально изнурительной для французов и англичан. Одновременно удалось избежать чрезвычайно опасной и мало-предсказуемой по последствиям борьбы на западном стратегическом направлении с вероятной коалицией германских государств (Кривопалов, 2013, с. 68). Утратив ведущую политическую роль в Европе, Россия осталась тем не менее великой державой.

Но в русском общественном мнении консервативная система Николая I была бесповоротно скомпрометирована, потому что проигранная война потрясла тогда мировоззрение почти целого поколения. «Охраняемые на море и на суше собственными силами, мы не имеем нужды хлопотать о союзах и равнодушно смотрим на мелкие интриги Запада, в бессильной зависти его к нашему непоколебимому могуществу» (Устрялов, 1997, с. 905), – такие слова официального учебника русской истории отражали николаевское стремление видеть общество исполненным не

7 См. подробнее: Кривопалов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 2013.

просто чувства национального самоуважения, но и непоколебимой уверенности в военно-политической самодостаточности России. Россия шла от победы к победе за малым исключением почти полтора столетия. Николай I и его окружение, воспитывая у молодежи чувство безграничной преданности и повиновения во имя общего блага, исключили у поколения своих преемников зрелых представлений о том, каковы на самом деле естественные пределы мощи России, и что означает для нее быть готовой к войне. Общество оказалось не способным не воспринимать отступление как поражение, а поражение – как катастрофу. Бурный всплеск либеральных настроений во время войны проистекал из оскорбленного чувства национальной гордости, поскольку склонность переоценивать военные возможности России прививалась многие годы. Парадокс, как точно заметил О.Р. Айрапетов, состоял в том, что это был результат действия в умах и сердцах молодежи именно «николаевской» системы ценностей (Айрапетов, 1998а, с. 39-40; Айрапетов, 1998b, с. 442-443).

Император Александр II (1818–1881), воспитанник В.А. Жуковского и ученик М.М. Сперанского, имел вполне соответствовавшее духу времени понятие о «прогессе», употребляя это слово в положительном значении. Встав на путь освободительных реформ, он шел через многие периоды колебаний и разочарований. Но и накануне своей гибели, подписывая проект генерала М.Т. Лорис-Меликова, который должен был привлечь ценовую общественность к обсуждению дальнейших преобразований в области местного управления, самоуправления, крестьянского вопроса, проект, который должен был придать политике «великих реформ» «второе дыхание», император – освободитель крестьян в России в 1861 и христиан на Востоке в 1878 г. – ясно отдал себе от-

чет, что идет «по пути к конституции». Он не сомневался, что делает это ради «величия России». Будучи, согласно воспитательному замыслу отца, «военным в душе», он до самой Второй восточной войны 1877–1878 гг. мучился угрызениями совести за то, что однажды, подписав ущемляющий суверенитет, Парижский мирный договор 1856 года, позволил унижить Россию. И накануне войны в особом совещании, обсуждавшем текущий восточный кризис, он гневно спрашивал возражавшего ему министра финансов М.Х. Рейтерна, не считает ли тот, что его реформы страну не усилили, а ослабили. Но к чему же вели четвертьвековые стремления Александра II, по его словам, «примирять историю – этот незабываемый завет прошедшего – с прогрессом, законом настоящего и будущего» (Захарова, 2008, с. 402)?

Монархия должна быть инициативной. Она должна, упреждая появление предпосылок для революции, возглавлять прогресс, то есть от нее должно исходить падение крепостного права, распространение мелкой крестьянской земельной собственности, развитие земского и городского всесословного самоуправления, современных кредитно-финансовых и экономических институтов, университетской автономии, развитие светской и духовной школы, веротерпимости, поощрение церковно-общественной самодеятельности. Так считало и к этому стремилось сложившееся в правительственном аппарате на рубеже прежнего и нового царствования политическое течение, известное как «либеральная бюрократия» в отечественной научной литературе или «просвещенная (enlightened) бюрократия» в литературе англоязычной. Ее представители братья Николай и Дмитрий Милютины, «константиновцы» А.В. Головнин и М.Х. Рейтерн и их соратники из числа общественных

деятелей Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский, Н.Х. Бунге, реализуя свои программные цели, становились на грань открытого конфликта с дворянством, делаясь, порой, «громоотводами» для императора, который этого себе позволить не мог. Еще Сергей Уваров предсказывал, что после потери помещичьего права дворянство будет стремиться к конституции. Его прогноз подтвердился. Однако проявлявшаяся в течение 1860–1870 годов общая критика политики реформ с позиции сословно-дворянских интересов активистами и публицистами так называемой «аристократической оппозиции», одно время поддерживавшейся министрами П.А. Валуевым, А.П. Бобринским, шефом жандармов П.А. Шуваловым, другом императора фельдмаршалом князем А.И. Барятинским и близким ему публицистом Р.А. Фадеевым – серьезным критиком военных реформ Д.А. Милютин – так и не привела к формированию внятного и приемлемого для Александра II возможного консервативного правительственного курса. Гораздо более мощным процессом было массовое распространение в пореформенной России либеральной и народнической интеллигенции, которую в изобилии теперь производила отечественная школа. В отличие от интеллектуала – профессионала умственного труда, – интеллигент видел в себе миссионерское призвание, был движим «идейностью задач и беспочвенностью идей» (Г.П. Федотов). Миссией российской интеллигенции в ее собственном понимании было освобождение от ограничений традиционного общества, освобождение политическое, обрядово-религиозное или (и) социальное, степень и характер которых могли различаться в зависимости от темперамента, социально-бытовых условий или влияний. Единство интеллигенции всех оттенков заключалось в

«отторжении почвы» – отрицании, более или менее, исторического русско-го самодержавия и института господствующей церкви, который проистекал из признания государством существования Истинного Бога и Его Откровения. Пореформенное русское дворянство, наконец, причувшшееся приобрести и использовать для возможного поддержания социального статуса образовательный ценз, стало постепенно превращаться, по сути, в интеллигенцию. «Дворяне это прежде всего русские европейцы, выросшие на общеευропейских понятиях XIX века, т.е. на понятиях смутных, на основах расшатанных, на чтении таких книг и газет, где все критикуется и многое отвергается, а непреложными аксиомами считаются только принципы либерального-эгалитарного прогресса, т.е. *les droits de l'homme*... – писал в 1880 году на страницах «Варшавского дневника» Константин Леонтьев, – Эти русские европейцы в большинстве случаев очень лояльны; они готовы идти за Государя на войну или посылать на смерть за родину сыновей своих; они готовы жертвовать и деньги... В среде дворянской несравненно больше, чем во всяком другом классе, найдем мы людей благородных, великодушных и честных. Но личная мораль... и даже личная доблесть, сами по себе взятые, не имеют в себе еще ничего организующего и государственного. Организует не личная добродетель, не субъективное чувство чести, а идеи объективные, вне нас стоящие, прежде всего религия... Будем искренни... Многим дворянам Гамбетта или Брайт нравятся больше, чем Муравьев (Виленский) или Паскевич...» (Леонтьев, 2006, с. 127).

Между тем политика реформ по мере своего развития собирала и накапливала не только отдельные недочеты и внутренние противоречия, но к ис-

ходу царствования выявляла и принципиальные ошибки самих концепций, развиваемых бюрократами-реформаторами. Энтузиасты гуманистических доктрин, развивавшие либеральный стиль управления, личную автономию и гражданские свободы, не догадались озаботиться необходимостью сбалансировать вызывавшиеся ими процессы. Модернизация тайной полиции, превращение ее в спецслужбу в современном понимании этого слова запоздало на двадцать лет, включая и специальную службу охраны императора. Исправление этой ошибки наступило только в 1880–1881 годах диктатором Лорис-Меликовым, директором Департамента полиции В.К. Плеве, генералом И.И. Воронцовым-Дашковым, и слишком поздно. Царь-реформатор погиб от рук революционеров. Малоэффективной была политика министра финансов М.Х. Рейтерна, который, не доверяя существовавшим институтам, предпочел механически заимствовать европейские и американские идеи, учреждения и методы экономической политики. По заключению В.Л. Степанова, в 1860–1870 годы государственная власть не обеспечила для развития предпринимательства необходимую правовую базу и не сумела поставить деятельность частного сектора экономики под необходимый контроль (Степанов, 2008, с. 512). Построенные при огромных затратах и злоупотреблениях железные дороги оказывались нерентабельны. Система частного кредита оказывалась не в состоянии без государственных вливаний переживать европейские финансовые и экономические кризисы. Производительность труда, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве продолжала расти теми же темпами, что и в дореформенное время, и за счет все тех же, преимущественно экстенсивных, факторов. Уваров предсказывал с началом либе-

ральных реформ усиление в империи центробежных тенденций. Если введение в действие конституции Финляндии, принятой еще Александром I, не внушало опасений, то польский сепаратизм, вылился в мятеж 1863–1864 гг., подавленный силой. Постепенное разрушение сословного строя, рост социальной подвижности при умножении интеллигенции неминуемо вел к появлению и обострению национального вопроса. Из этого логически следовало, что продолжение политики реформ требовало обязательного усиления русификации окраин в правовом и культурном отношении, в том числе и при участии православного миссионерства. Это последнее обстоятельство осознавали и принимали далеко не многие либералы. Последовательными либеральными националистами-государственниками были братья Н. и Д. Милютин, Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский, М.Н. Катков, Н.Х. Бунге. Одну позицию с Н.А. Милютиным в польском вопросе занял ликвидатор мятежа в Северо-Западном крае его бывший оппонент в крестьянском вопросе М.Н. Муравьев-Виленский. Аналогичные политические взгляды были распространены среди образованной части русских военных, работавших над модернизацией армии. В их числе были Н.Н. Обручев, М.И. Драгомиров, М.Д. Скобелев.

Наиболее серьезные, по своим последствиям, ошибки допустил военный министр Д.А. Милютин. Начав долгосрочную модернизацию военной промышленности и перевооружение армии в условиях начинавшейся постепенно гонки вооружений, он упустил краткосрочную перспективу приближавшегося военного конфликта. В результате Россия вступила в войну с Турцией 1877–1878 гг., впервые в истории русско-турецких войн технически уступая противнику в отношении стрелкового оружия и артилле-

рии⁸. С другой стороны, начало сказываться отсутствие в центральном военном управлении авторитетного и независимого органа управления и планирования, чем должен был быть Генеральный штаб. Начав войну на подъеме славянского движения, под сильнейшим давлением русского общественного мнения, Петербург получил бы шанс удержаться на Босфоре или же, как минимум, сохранить достигнутое в Сан-Стефанском прелиминарном договоре, если бы было обеспечено одно непременное условия: завершение войны с Турцией в одну кампанию, до зимы 1877-78 гг. Для этого в преддверии войны следовало бы принять план помощника военного министра генерала Н.Н. Обручева. Но его предложения, как минимум, ни единожды были скорректированы так, что от первоначального замысла почти ничего не осталось. Допущенные таким образом на этапе планирования войны ошибки, привели к продолжительной осаде Плевны и к дальнейшему затягиванию войны. Когда же она была выиграна, Россия уже не имела достаточно сил, чтобы удержать все, что было завоевано. Она опять оказалась, по сути, перед угрозой повторения стратегической ситуации предыдущей Восточной войны с небольшой только разницей – международно-изолированная Россия против Англии и Австро-Венгрии, поддержанных Германией с вооруженным противостоянием опять по всему значимому периметру своих границ. То есть вновь перед угрозой такого масштаба, который пределы ее военных возможностей заведомо превосходил⁹.

Общественность в России испытала глубокое разочарование. По заключению А.В. Мамонова, правительствен-

ные деятели обнаруживали растерянность и разобщенность, общественные же – проявляли претенциозность, фрондерство и безответственность. И то, и другое было чревато в перспективе если не военной, то политической катастрофой. При отсутствии «реальной альтернативы» самодержавию выживание государства напрямую зависело от его способности создать механизм обеспечения правильного взаимодействия власти и общества (Мамонов, 2004, с. 75). В стране начался революционный террор, развернутый «Народной волей». В этой обстановке либеральные министры Лорис-Меликов, Д. Милютин, А.А. Абаза нацелились на борьбу за обновление и углубление политики «великих реформ». Царевубийство 1 марта 1881 года еще далеко не лишало их надежды на успех.

Решающую роль в консервативном развороте правительственной политики сыграл обер-прокурор К.П. Победоносцев. Это был выдающийся педагог и политик своего времени, глубокий апологет самодержавной монархии, имевший связи в западноевропейских консервативных кругах, убежденный противник движения России по пути развития институтов политической демократии, сторонник жесткого русификаторского курса в национальном вопросе. Сын профессора Московского университета, воспитанник привилегированного Училища правоведения, виднейший правовед-цивилист своего времени, близкий славянофильским кругам, участвовавший в укреплении их связей с императрицей Марией Александровной и наследником Александром Александровичем, он, будучи преподавателем законовведения у наследника цесаревича, сумел приоб-

8 См.: (Айрапетов, 2016, с. 15-27).

9 См. подробнее: (Айрапетов, 2006, с. 303-351).

рести в его глазах особый авторитет. Он сумел привить ему многое из своего мировоззрения, познакомил его с творчеством виднейших русских консервативных мыслителей того времени Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, с публицистикой И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, В.П. Меццерского. В конце 1870 – начале 1880 гг. он, по сути, политически ориентировал своего августейшего ученика. Он составил и убедил императора Александра III (1845–1894) подписать Манифест 29 апреля 1881 года о неизбежности самодержавия, что, как он и рассчитывал, спровоцировало добровольную отставку Лорис-Меликова и его сторонников.

Эта история, помимо прочего, показывает, что на рубеже 1870–1880 гг. был кризис политики освободительных реформ, а отнюдь еще не «кризис самодержавия». Какое же значение имел этот консервативный политический поворот? «Реакцию под маской народности и православия» (Д.А. Милютин), лишившую Россию в XX веке возможности эволюционного развития и предопределившая революционную катастрофу, или, наоборот, благодетельный акт, отсрочивший ее наступление? По мнению А.В. Мамонова, которое я бы сейчас не поторопился разделить, разрыв монархии с «либеральной бюрократией» был фатальным для исторической России: в начале XX века, утратив чувство твердой опоры в монархе, бюрократия будет искать её в представительных учреждениях, а когда наступит революция, создаст Государственную думу и обеспечит ей тот вес и значение, которые и сыграют в судьбе империи роковую роль (Мамонов, 2017, с. 106). Автор лучших на сегодняшний день биографических исследований о Победоносцеве А.Ю. Полунов видит явный избыток консервативного утопизма в политике Александра III, унаследованного во многом и Николаем II (1868–1918). Вместе с Победо-

носцевым, по его мнению, в правительственную политику вошли ранее в нее не допускавшиеся принципы самобытности, в какой-то мере близкие их славянофильскому пониманию, неприязни к верхам образованного общества, отчасти даже и к правительственной бюрократии, допущения возможности для монархии непосредственной опоры на «простой народ» (Полунов, 2017, с. 132).

Прагматизм Александра III проявился в бережном отношении к опыту управления экономикой и финансами за предыдущее царствование. Сохранявший пост министра финансов Н.Х. Бунге проводил сбалансированную политику, разработал план введения золотого стандарта, впоследствии осуществленный С.Ю. Витте, подготовил мощный промышленный рывок России, последовавший в 1890 годы. Миротлюбивая и великодержавная внешняя политика Александра III, сохранявшая стремление поддерживать равновесие сил в Европе, имела своей опорой сбалансированное стратегическое планирование начальника Главного штаба генерала Н.Н. Обручева, который удерживал четкий приоритет. В грядущей неизбежной коалиционной европейской войне с австро-германским блоком в союзе с Францией целью России должно было стать овладение верхним Босфором, которое замыкало оборону морской границы в три тысячи километров в одну точку, позволив тем самым резко сократить военные расходы.

Общий «проект», если так можно выразиться, Александра III заключался в попытке обрести глубокий и самодостаточный национальный стиль в области государственной политики, общественной жизни и личного творчества. Его конечная неудача имела, помимо прочего, причиной отсутствие единства в отношении политического видения, конкретности намерений и путей их воплощения самих его консерватив-

ных вдохновителей. Общественный либерализм был гораздо однороднее и последовательнее. М.Н. Катков хотел усилить значение поместного дворянства в местном самоуправлении и опеке над крестьянством, стремился к уничтожению судебной системы 1864 года, но, в конечном итоге, не достигнув и в том, и в другом успеха. К.Н. Леонтьев, предлагавший «подморозить» Россию, сохранявший дистанцию по отношению и к славянам, и к Европе, по сути, предлагал своего рода «второе издание» николаевской России. Победоносцевское направление, ближе всего принимавшее христианский гуманизм Достоевского, можно определить как консервативное народничество. То есть идеализацию народа справа, как носителя христианских добродетелей, возводимых на метафизический уровень, народа «богоносца». Леонтьев резко возражал против этого, считая народ величиной исторической, чьи лучшие свойства есть продукт многовекового воспитания его Православной церковью и самодержавным государством, свойства удобоуничтожимые инонаправленной политической волей. За свою идейную последовательность и бескомпромиссность Леонтьев заплатил полной общественно-политической маргинализацией и завершил публичную карьеру выполнением своего давнего обета о принятии монашества. Консервативное народничество Победоносцева и Александра III, которое унаследовал и его сын Николай II вместе со своей супругой, в 1880 годы наиболее сопрягалось с умонастроением интеллигенции в целом. Одной из родившихся на этой почве ошибок была политика искусственного сохранения от распада крестьянской общины в эпоху аграрного перенаселения при медленных темпах урбанизации. Печально знаменитый голод 1891 года продемонстрировал не только порочность узкого «фи-

нансизма» министра И.А. Вышнеградского, но и опасную неэффективность правительственной машины в меняющихся исторических условиях, чем воспользовалась оппозиционная интеллигенция.

Будучи плохо подготовленным к царствованию, император Николай II совершил тяжелую ошибку во внешней политике. Под влиянием идей маринизма и ориентализма он дал себе односторонне увлечься ее дальневосточным направлением, в результате чего приоритет босфорско-ближневосточного направления был потерян. В результате империя стала двигаться в нескольких направлениях, и в конечном итоге, устремясь достичь сразу всего, везде понесла ущерб.

Отказ от предлагавшегося Японией и Англией компромисса привел к Русско-японской войне 1904–1905 гг., которая обнажила все органические недостатки милютинской военной системы, заложенных в самой их концепции: исключение перспективы развития в России Генерального штаба в независимый орган стратегического планирования, засилье административного начала, «военной бюрократии» в ущерб строевому, оторванность военной науки от строя, от повседневной жизни войск. Из этого проистекали ошибки в планировании войны, низкий уровень штабного управления крупными войсковыми соединениями, допускаемость непосредственно на театре войны организационных импровизаций, ведущих к падению боеспособности соединений, известная под названием так называемой «отрядомании». Такие свойства отечественной военной организации как таковые не были связаны органически с наличием или отсутствием в России, скажем, самодержавной монархии, сословного строя или каких-либо иных социальных и политических институтов.

«... для твердого самодержавия необходимо государственное могущество, – писал Карамзин (Карамзин, 1991, с. 22). После поражения на Дальнем Востоке дискредитация монархии приобрела обвальный характер, подлинный «кризис самодержавия» наступил. Революция 1905–1907 гг. на короткое время пробудила и вызвала еще массовое сопротивление, стихийную народную контрреволюцию, так называемое «черносотенное» движение, затем, частично получившее партийно-политическое оформление и давшее, впоследствии, крайне правый спектр Государственной Думы. Межвоенная внутренняя политика империи дала последнего крупного либерального националиста-государственника – П.А. Столыпина, которого объединяло с крайне правыми отчетливое стремление превратить русский народ в господствующую в империи нацию, чем он никогда не был. Стремление, как показали дальнейшие события, в тех исторических условиях вполне утопическое. Мировая война, постепенно принявшая тотальный характер, продемонстрировала острую потребность общества в мобилизующей национальной идее, сформулировать и ретранслировать которую в массы право-консервативная часть русского образованного общества была уже совершенно неспособна. Ее мысль и слово тонули в массе леволиберальных и социалистических интеллигентских идеалов и умонастроений. Последняя опора монархии армия, кадровая армия мирного времени, обескровленная огромными потерями, превратилась фактически в ополчение. Верхушка генералитета, уставшая от ошибок и нерешительности императора Николая II, сблизилась с лидерами либеральной оппозиции на момент времени достаточный, чтобы Февральская революция привела к падению монархии, повлекшему общее крушение и

гибель исторической российской государственности...

Русский исторический консерватизм, по мысли одного из ведущих его основателей современных его исследователей, конечно, не следует воспринимать как панацею при решении сегодняшних проблем, но его пристальное изучение способно послужить немаловажным подспорьем при разработке политического курса, находящегося по ту сторону как «правых», так и «левых» крайностей (Репников, 2007, с. 499). Разумеется, если, изучая его, мы будем оставаться на надежной и проверенной почве историзма в его лучших отечественных традициях.

Список литературы

- Айрапетов О.Р. (1998а). *Забывтая карьера «русского Мольтке»*. Николай Николаевич Обручев (1830-1904). СПб.: Алетейя. 320.
- Айрапетов О.Р. (1998б). Н.Н. Обручев и дело «Военного сборника» (1858 г.). П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): статьи, публикации, воспоминания о нем. М.: РОССПЭН. 442–449.
- Айрапетов О.Р. (2006). *Внешняя политика Российской империи (1801–1914)*. М.: Европа. 672.
- Айрапетов О.Р. (2016). Испытание войной: реформы и вооружённые силы России и Турции в 1860–1870-е гг. *Российская история*, (6). 15–27.
- Бенкендорф А.Х. (2012). *Воспоминания 1802-1837*. М.: Российский фонд культуры. 760.
- Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год*. (1999). М.: Издательство МГУ. 184.
- Гакстгаузен А. (1870). *Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России*. М. 490.

- Захарова Л.Г. (2008). Александр II и место России в мире. *Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка*. М.: РОССПЭН. 372–402.
- Карамзин Н.М. (1991). *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 127.
- Карамзин Н.М. (1862). *Неизданные сочинения и переписка*. Т. 1. СПб: в типографии Н. Тиблена и Комп. 241.
- Киреевский И.В. (1984). *Избранные статьи*. М.: Современник. 384.
- Ключевский В.О. (1983). Западное влияние в России после Петра. *Неопубликованные произведения*. М.: Наука. 11–112.
- Ключевский В.О. (1989). Курс русской истории. Ч. 4. *Сочинения*. В 9 т. Т. 4. М.: Мысль. 398.
- Кондаков Ю.Е. (1998). *Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825)*. СПб: Нестор. 223.
- Кривопапов А.А. (2013). Севастополь в стратегических планах фельдмаршала И.Ф. Паскевича в 1853–1855 гг. *Вестник Московского университета*. Сер. 8. *История*, (3). 58–69.
- Левандовский А.А. (1990). *Время Грановского. У истоков формирования русской интеллигенции*. М.: Молодая гвардия. 304.
- Леонтьев К.Н. (2006). Чем и как либерализм наш вреден. *Полное собрание сочинений и писем в 12-и томах*. Т. 7. Кн. II. СПб: Владимир Даль. 118–143.
- Ливен Д. (2012). *Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807–1814*. М.: РОССПЭН. 680.
- Лотман Ю.М. (1987). *Сотворение Карамзина*. М.: Книга. 336.
- Мамонов А.В. (2004). Самодержавие и «славянское движение» в 1875–1877 годах. *Отечественная история*, (3). 60–77.
- Мамонов А.В. (2017). «Неожиданный и непонятный для большинства современников»: манифест 29 апреля 1881 г. и либеральная бюрократия. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*, (1). 88–109.
- Минаков А.Ю. (2011). *Русский консерватизм в первой четверти XIX века*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета. 560.
- Минаков А.Ю., Репников А.В. (2010). Консерватизм в России. Шелохаев В.В. (ред.). *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия*. М.: РОССПЭН. 6–18.
- Мироненко С.В. (1989). *Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века*. М.: Наука. 240.
- Полунов А.Ю. (2017). *Победоносцев: русский Торквемада*. М.: Молодая гвардия. 336.
- Репников А.В. (2007). *Консервативные концепции переустройства России*. М.: Academia. 520.
- Сперанский М.М. (1892). Пермское письмо к Александру Павловичу (январь 1813 г.): Оправдательная записка. *Русский архив*. Кн. 1, (1). 50–80.
- Степанов В.Л. (2008). Либерально-экономический «эксперимент» в России (вторая половина 1850-х – первая половина 1870-х гг.). *Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка*. М.: РОССПЭН. 491–512.
- Уваров С.С. (2010). Император все-русский и Бонапарте. *Избранные труды*. М.: Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века. 234–248.
- Устрялов Н.Г. (1997). *Русская история до 1855 года, в двух частях*. Петрозаводск: Фолиум. 958.
- Флоровский Г.В., прот. (1983). *Пути русского богословия*. 2-е изд. Paris: YMCA-Press. 574.
- Шевченко М.М. (2003). *Конец одного Величия*. М.: Три квадрата. 256.

Шевченко М.М. (2006). Записка С.С. Уварова о крепостном праве в России. 1830/31. *Русский сборник. Исследования по истории России*. Т. 2. М.: Модест Колеров. 157–192.

References

- Airapetov O.R. (1998a). *The forgotten career of the «Russian Moltke.» Nikolai Nikolayevich Obruchev (1830-1904)*. Sankt-Petersburg: Aleteiya. 320.
- Airapetov O.R. (1998b). N.N. Ob-ruchev and the case of the “Military Col-lection” (1858). *P.A. Zaionchkovskii (1904–1983): Articles, publications, memories about him*. Moskva: ROSSPEN. 442–449.
- Airapetov O.R. (2006). *The Foreign Policy of the Russian Empire (1801-1914)*. Moskva: Evropa. 672.
- Airapetov O.R. (2016). The test of the war: the reforms and armed forces of Rus-sia and Turkey in the 1860s and 1870s. *Rossiiskaya istoriya*, (6). 15–27.
- Benkendorf A.Kh. (2012). *Memories of 1802-1837*. Moskva: Rossiiskii fond kul'tury. 760.
- Florovskii G.V., prot. (1983). *Directions of Russian theology*. 2nd ed. Paris: YMCA-Press. 574.
- Gaksthausen A. (1870). *Studies of in-ternal relations of people's life and especially of Russia*. Moskva. 490.
- Karamzin N. M. (1991). *A note about the ancient and new Russia in its political and civil relations*. Moskva: Nauka. Glavna-ya redaktsiya vostochnoi literatury. 127.
- Karamzin N.M. (1862). *Unpublished works and correspondence*. Vol. 1. Sankt-Petersburg: v tipografii N. Tiblena i Komp. 241.
- Kireevskii I.V. (1984). *Selected articles*. Moskva: Sovremennik. 384.
- Klyuchevskii V.O. (1983). Western in-fluence in Russia after Peter. *Unpublished works*. Moskva: Nauka. 11-112.
- Klyuchevskii V.O. (1989). Course of Russian History. Part 4. *Works. In 9 vols. Vol. 4*. Moskva: Mysl'. 398.
- Kondakov Yu.E. (1998). *The spiritual and religious policy of Alexander I and the Russian Orthodox opposition (1801-1825)*. Sankt-Petersburg: Nestor. 223.
- Krivopalov A.A. (2013). Sevastopol in the strategic plans of Field Marshal I.F. Paskevich in the years 1853-1855. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 8. *Istoriya*, (3). 58–69.
- Leon'ev K.N. (2006). How and how our liberalism is harmful. *Complete works and letters in 12 volumes*. Vol. 7. Book. II. Sankt-Petersburg: Vladimir Dal'. 118–143.
- Levandovskii A.A. (1990). *Time of Granovskiy. At the origins of the develop-ment of the Russian intelligentsia*. Moskva: Molodaya gvardiya. 304.
- Liven D. (2012). *Russia against Napo-leon. The struggle for Europe. 1807-1814*. Moskva: ROSSPEN. 680.
- Lotman Yu. M. (1987). *Creation of Karamzin*. Moskva: Kniga. 336.
- Mamonov A.V. (2004). Autocracy and the «Slavic movement» in 1875-1877. *Otechestvennaya istoriya*, (3). 60–77.
- Mamonov A.V. (2017). «Unexpected and incomprehensible to most contempo-raries»: the manifesto of April 29, 1881, and the liberal bureaucracy. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, (1). 88–109.
- Minakov A.Yu. (2011). *Russian con-servatism in the first quarter of the XIX century*. Voronezh: Izdatel'stvo Vorone-zhskogo gosudarstvennogo universiteta. 560. 6-18.
- Minakov A.Yu., Repnikov A.V. (2010). Conservatism in Russia. Shelokhaev V.V. (ed.). *Russian conservatism of the mid-eighteenth and early twentieth centuries: encyclopedia*. Moskva: ROSSPEN.
- Mironenko S.V. (1989). *Autocracy and Reform. Political struggle in in the beginning of the XIX century*. Moskva: Nauka. 240.
- Polunov A.Yu. (2017). *Pobedonostsev: Russian Torquemada*. Moskva: Molodaya gvardiya. 336.

Repnikov A.V. (2007). *Conservative concepts of the reorganization of Russia*. Moskva: Academia. 520.

Shevchenko M.M. (2003). *The End of One Greatness*. Moskva: Tri kvadrata. 256.

Shevchenko M.M. (2006). Note of S.S. Uvarov on serfdom in Russia. 1830/31. *Russian collection. Studies on the history of Russia. Vol. 2*. Moskva: Modest Kolerov. 157–192.

Speranskii M.M. (1892). Permsky letter to Alexander Pavlovich (Jan. 1813): Justification note. *Russkii arkhiv. Kn. 1, (1)*. 50–80.

Stepanov V.L. (2008). Liberal-economic «experiment» in Russia (the second half of the 1850's – the first half of the 1870's). *Petr Andreevich Zaionchkovskii. Collection of articles and memoirs for the cente-*

nary of the historian. Moskva: ROSSPEN. 491–512.

Ustryalov N.G. (1997). *Russian history until 1855, in two parts*. Petrozavodsk: Folium. 1958.

Uvarov S.S. (2010). The Emperor of All-Russia and Bonaparte. *Selected works*. Moskva: Biblioteka otechestvennoi obshchestvennoi mysli s drevneishikh vremen do nachala XX veka. 234–248.

Wedding with Russia. Correspondence of Grand Duke Alexander Nikolayevich with Emperor Nicholas I. 1837. (1999). (1999). Moskva: Izdatel'stvo MGU. 184.

Zakharova L.G. (2008). Alexander II and the place of Russia in the world. *Petr Andreevich Zaionchkovskii. Collection of articles and memoirs for the centenary of the historian*. Moskva: ROSSPEN. 372–402.

Информация об авторе

Максим Михайлович Шевченко, кандидат исторических наук, доцент, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119192, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, 27-4
shevch_mm@mail.ru

About the Author

Maksim M. Shevchenko, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

27-4, pr. Lomonosovsky, Moscow, Russian Federation, 119192
shevch_mm@mail.ru